

Кургузенкова Жанна Вячеславовна

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ БИНАРНОЙ ОППОЗИЦИИ "СЧАСТЬЕ / НЕСЧАСТЬЕ" ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

В рамках данной статьи был систематизирован языковой материал французского языка, характеризующий некоторые аспекты реализации бинарной оппозиции "счастье / несчастье" сквозь призму фразеологии. Были сделаны выводы о наиболее многочисленных фразеосемантических группах данной тематики. Особое внимание уделяется коннотативным и структурным особенностям фразеологических единиц избранной тематики с целью выявления сведений об особенностях культуры и национального отношения к данной бинарной оппозиции представителей французского этноса.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/2-1/26.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 2(80). Ч. 1. С. 96-99. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

THE PHENOMENON OF SILENCE IN TERMS OF LITERARY TEXT INTERPRETATION

Kretova Anna Mikhailovna
Moscow Region State University
a.m.kretova@mail.ru

The article is devoted to the study of the phenomenon of silence as a prototype for modeling in a literary text, as well as the problem of polysemy of silence. The publication is caused by the need for systematization of theoretical knowledge about this phenomenon, the concretization of the scientific-conceptual apparatus. The author considers various nominations of silence, indicates the differences between silence and related phenomena and gives examples from literary texts.

Key words and phrases: silence; silent act; quiet; pause; non-speaking; hesitation.

УДК 811.133.1

В рамках данной статьи был систематизирован языковой материал французского языка, характеризующий некоторые аспекты реализации бинарной оппозиции «счастье / несчастье» сквозь призму фразеологии. Были сделаны выводы о наиболее многочисленных фразеосемантических группах данной тематики. Особое внимание уделяется коннотативным и структурным особенностям фразеологических единиц избранной тематики с целью выявления сведений об особенностях культуры и национального отношения к данной бинарной оппозиции представителей французского этноса.

Ключевые слова и фразы: бинарная оппозиция; культурная картина мира; фразеология; французский язык; концепт «счастье»; концепт «несчастье».

Кургузенкова Жанна Вячеславовна, к. филол. н., доцент
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва
zhanna-rudn2005@rambler.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ БИНАРНОЙ ОППОЗИЦИИ «СЧАСТЬЕ / НЕСЧАСТЬЕ» ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Структурирование картины внешнего мира с применением пар-противопоставлений было свойственно обществу с самых древних этапов его развития. Общеизвестно, что древние люди стремились систематизировать свои хаотичные представления о мире, определяя его явления через бинарные оппозиции. Так, социальная жизнь человечества, начиная с самых ранних этапов своего развития, во многом детерминировалась сквозь призму контрастных представлений о мировом устройстве (мужчина / женщина, верхний / нижний и т.д.), а поэтому и весь процесс осмысления окружающего мира при подобном укладе был подчинен антитетическому принципу.

Отсюда бинаризм (от латинской лексемы *binarius* – состоящий из двух частей) – стремление подразделять все феномены на две противоположные группы. Следовательно, любые отношения между знаками могут быть сведены к бинарным структурам, а именно – к такой парадигме сопоставления, которая зиждется на признаке парного объединения по наличию или отсутствию какого-либо качества. Бинарные оппозиции представляют собой объединения, всегда противоположные по смыслу, и коллективными усилиями всех членов общества определяют полный объем дискурса.

После того как Н. С. Трубецкой построил фонологическую методологию [8], данная система легла в основу многих структурных гуманитарных исследований. Было установлено, что бинарные оппозиции являются ключевыми при описании любой картины мира, причем они носят универсальный характер: счастье – несчастье, хорошее – плохое, близкое – далекое, прошлое – будущее, белое – черное, правое – левое и т.д. Левая часть оппозиции традиционно несет положительную коннотацию, в то время как правая – отрицательную.

В рамках данной статьи мы рассмотрим, как реализуется бинарная оппозиция «счастье / несчастье» в западноевропейской культуре, в частности, во Франции. Ниже приводятся данные анализа того, как представители французской культуры воспринимают понятия «счастье / несчастье» путем анализа языковых универсалий, лежащих в основе наиболее ярких фразеологических единиц (далее – ФЕ) французского языка данной тематики. Изучение этой бинарной оппозиции представляет безусловный научный интерес, т.к. позволяет выявить базовые метафоры во французском языке, исследовать те самые метафорические диалекты, которые показывают отражение чувственного восприятия картины мира представителей этого народа [2; 3].

Анализ аспектов отражения эмоциональной сферы восприятия французским народом таких понятий, как «счастье / несчастье», будет проводиться путем реконструкции базовых метафор – дескрипций данных концептов.

Античная культура во многом базируется на тезисе о вечности и неизменности космоса, который являлся гарантом стабильности мирового устройства, превалируя над богами, также подчинившимися ему. В Средневековье эта уверенность перестала быть столь непоколебимой, т.к. люди пересмотрели свое отношение к Богу.

Отныне Бог считается создателем мира, демиургом, доминирующим над природой как одним из своих творений. Смысл мироздания заключается только в Боге, а сам мир видится огромным вместилищем символов, все объекты материального мира считаются лишь еще одним подтверждением божественной сути природы.

Средневековые привносят в культуру новое понимание счастья. Если во времена Античности утвердился тезис «человек есть мера всех вещей», то и познание было сосредоточено на изучении самого человека. А познавая себя и свою природу, мы получаем возможность проникнуть в тайны мироздания. Эпоха Средневековья была ознаменована полной сменой приоритетов. Счастье отныне – в познании Бога, так как Бог – это абсолют, то и в человеке есть частица Бога, его создателя, а что в человеке не от Бога, то проистекает от дьявола и несет на себе отпечаток греховности, т.е. всего того, от чего нужно избавиться, чтобы возвыситься до своего создателя [4].

В ходе эволюции формируются общие представления о мире. Эти понятия кристаллизуются и с течением времени начинают отражать базовые смыслы и связи прошлого, настоящего и будущего.

В европейской традиции эти понятия-символы получили название «универсалий» (от латинской лексемы *universalis* – общий). С самых давних времен люди воспринимают божественные заповеди как данность, не слишком задумываясь об истоках их происхождения.

В современной научной литературе существует масса попыток определить «природу» универсалий, каждый автор определяет ее по различным основаниям. В целом выявляется общность их основных признаков, определяемых как голографичность, антитетичность, цикличность и архетипичность [Там же, с. 148-149].

Т.е. архетипы являются основными инструментами «памяти народа», это своеобразная форма преобразования и хранения опыта представителей отдельно взятого этноса, это свидетельства памяти как способности не только к воспроизводству, но и к обновлению традиций культурной деятельности. Архетипы – устойчивые модусы культурно-цивилизационной деятельности, в ходе которой формировались и развивались универсалии – архетипические модели-ориентации мира человека и человека в мире.

Общеизвестно, что в языке народа в целом (и во фразеологии в частности) отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, система ценностей, мироощущение и мировоззрение. Таким образом, язык формирует личность человека, носителя языка, через привитые ему языком и заложенные в языке культурную картину мира, менталитет, отношение к людям и т.п. [7, с. 17]. Кроме того, будучи идеальным психическим феноменом, язык входит в число так называемых форм общественного сознания и выступает «хранителем и вместилищем» всех тех универсалий, архетипических моделей-ориентаций, выявив которые мы сможем проследить эволюцию культурной деятельности человека.

В рамках данного исследования мы сначала рассмотрим образную составляющую концепта «счастье» во французском языке на примере ФЕ.

Еще издревле люди пытались найти ответ на вопрос о том, что такое счастье. Многие века идет поиск, подобный интерес к данному феномену со стороны человечества только подтверждает, что представления о счастье принадлежат к центральному категориям культуры, а отношение к нему входит в число определяющих культурных детерминант поведения человека. В фокусе нашего научного исследования – реализация образной составляющей концепта «счастье» во франкоязычной культуре. В работе используется иллюстративный материал, отобранный методом сплошной выборки из отечественных [5; 9] и французских фразеологических словарей [10-13]. Русские дефиниции французских ФЕ взяты из «Французско-русского фразеологического словаря» Я. И. Рецкера [9]. Буквальный перевод всех ФЕ выполнен автором статьи.

Во французском языке мы обнаруживаем следующие ФЕ со значением «быть на седьмом небе от счастья»: *être ravi au troisième ciel* (XV век), *être au troisième ciel* (середина XIX века), *être au septième ciel* (конец XIX века), *être sur un nuage*, *être aux anges*, *marcher sur l'air*.

Все вышеприведенные примеры имеют в своей структуре ту или иную лексему, номинирующую небо, т.к. люди издревле свое личностное ощущение счастья связывали с небом, полетом, состоянием парения. Причем «подъем тела» осуществляется на строго определенную высоту, а именно: среди французских примеров фигурируют несколько с цифрой «три» в своем компонентном составе (*être ravi au troisième ciel*, *être au troisième ciel*). Полный аналог данной ФЕ французского языка мы находим в Библии (Новый Завет, Второе послание апостола Павла к Коринфянам, гл. 12, ст. 2): «...Восхищен был до третьего неба».

Также во французском языке представлен пример (*être au septième ciel*), образная основа которого полностью совпадает с русским языком. Объяснение феномену наличия цифры «семь» в качестве «высшей точки счастья» мы можем найти в целом ряде источников. Так, в своем сочинении «О небе» древнегреческий философ Аристотель (384-322 до н.э.) [1] рассуждает на тему устройства небесного свода, полагая, что небо состоит из 7 стационарных кристалльных сфер. Видимо, это представление имело широкое хождение в древности, т.к. рай, согласно церковным догмам, «располагался» именно на седьмой сфере, самой дальней от Земли.

Очевидно, что представление о счастье у французского и русского народов напрямую связано с нахождением на небесах, в раю. Почти во всех вышеприведенных ФЕ прослеживаются историко-культурные реминисценции.

При анализе вышеприведенного ряда ФЕ мы можем констатировать тот факт, что во французском языке «образ неба» является той самой культурологической и языковой универсалией, которая лежит в основе этих ФЕ. И здесь явно прослеживается общая продуктивная модель образования ФЕ данной тематики, когда один и тот же образ репродуцируется в разных единицах на протяжении многих столетий.

Общеизвестно, что ФЕ сравнительного типа также являются богатейшим источником культурологической информации, т.к. фразеологические сравнения характеризуются тем, что в них сравнительный компонент – носитель образа – выступает как эталон предписываемого субъекту качества или признака, в результате чего этот компонент и вместе с ним выражение приобретают обобщающее значение. Ниже приведены устойчивые компаративные обороты, сходство которых предопределено стабильностью реалий и их свойств, а также опытом любого человеческого сообщества. Задачи изучения данного типа ФЕ состоят в том, чтобы установить характер отражения общечеловеческой практики в языке с учетом развития данных оборотов в диахронии: *heureux comme un dieux* (букв. *счастливый как бог*), *heureux comme un roi* (букв. *счастливый как король*), *heureuse comme une reine* (букв. *счастливая как королева*), *heureux comme un prince* (букв. *счастливый как принц*), *heureux comme un pape* (букв. *счастливый как Папа Римский*), *heureux comme un chérubin* (букв. *счастливый как херувим*).

Проанализировав примеры, иллюстрирующие левую (положительную) часть бинарной оппозиции «счастье / несчастье», мы выделили одну языковую универсалию, сохраняющуюся и репродуцируемую во французском языке на протяжении веков, а именно – «образ неба». И даже если в качестве «аналога счастливого человека» избраны представители королевской семьи, то вывод очевиден, что это еще одна из интерпретаций все того же образа.

Примечательно, что, рассматривая ряд примеров из правой (отрицательной) части этой бинарной оппозиции, мы сталкиваемся с той же архетипической метафорой, хоть и слегка в опосредованном виде.

Перейдем к примерам: *oiseau de mauvais augure* – (букв. *птица, предвещающая беду*) *вестник бедствия*; *la nuée a crevé* – (букв. *грозовую тучу прорвало*) *попасть в беду*; *en avoir un coup dans l'aile* – (букв. *получить удар в крыло*) *попасть в трудное положение*.

В первом же из вышеприведенных примеров образ птицы используется для дескрипции приближающегося несчастья. Безусловно, трудно переоценить значимость орнитонимов в аспекте лингвокультурологии: птицы являются ключевыми персонажами в мифах, сказаниях и легендах многих народов. Птицы могут перевоплощаться и выступать в самых разных ипостасях. Множество народных примет также связано с птицами. И, как было сказано выше, у многих народов птицы символизируют надвигающуюся катастрофу, крупное несчастье, болезнь или смерть.

В Индии (и в России тоже) ворон / ворона являются предвестниками смерти, в ряде западно-европейских стран (в частности, во Франции и Италии) – это птица, приносящая несчастье. Безусловно, разные виды птиц могут приобретать различную символику в разных культурах, иногда диаметрально противоположную. Так, например, показателен тот факт, что в средневековой иконописной традиции было принято изображать младенца Христа, держащим птицу в руках. Чаще всего прообразом этой «божественной» птицы был щегол как символ чистой души. Однако в Национальной галерее Праги хранится средневековая икона, доставленная из города Збраслав в Богемии. Датируется этот лик 1360 годом и интересен, прежде всего, тем, что на нем младенец Христос, сидящий на руках у Мадонны, прижимает к себе не «традиционного» щегла, а свиристеля. Факт запечатления на данной иконе именно свиристеля был подтвержден учеными-орнитологами, которые доказали, что это древнейшее точное изображение свиристеля и оно запечатлело крайне коннотированное отношение людей того времени к этой птице. Вполне возможно, что автор просто решил заменить изображение щегла на более эффектную птицу, которую иконописец увидел в связи с тем фактом, что в то время свиристели довольно часто меняли места своей дислокации по всей Европе в поисках пропитания. Но ученые [6] выдвигают и другую гипотезу, а именно: этот период озаменован первой пандемией чумы в Европе. Вполне вероятно, что свиристель на иконе – своеобразный знак судьбы, который находится в божьих руках. И свиристель, уже как символ чумы, показан в качестве «игрушки» в руках Бога, который может оставить птицу при себе, а может в наказание / назидание послать к людям.

Таким образом, в первой ФЕ французского языка прослеживается прямая взаимосвязь между «Богом / небом» и различными видами птиц. А также намечается дифференциация между птицами – символами добра и зла (хотя в данном примере это не представлено), когда орнитонимы выступают в качестве тех самых языковых универсалий, хранящих многовековые сведения о традициях и быте народа.

Во втором примере *la nuée a crevé* – (букв. *грозовую тучу прорвало*) *попасть в беду* мы опять же видим, что счастье, так же как и несчастье, – это то, что посылается свыше. И если процесс полета – это универсальный символ счастья, то прерванный полет (*en avoir un coup dans l'aile* – (букв. *получить удар в крыло*) *попасть в трудное положение*), безусловно, означает несчастье.

Следовательно, несмотря на факт зарождения европоцентризма, распространение идей глобализации и унификации культурных ценностей различных народов, культура французского народа как оценивалась, так до сих пор и оценивается с позиции ее соответствия христианским моральным ценностям, которые считались и считаются универсальными реминисцентными доминантами.

Список источников

1. **Аристотель.** О небе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=71985> (дата обращения: 03.09.2017).
2. **Кривошлыкова Л. В., Кургузенкова Ж. В.** Специфика отражения культурной картины мира англичан и французов во фразеологических единицах, номинирующих состояние счастья // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». 2014. № 1. С. 67-73.

3. Кургузенкова Ж. В., Кривошлыкова Л. В. Концепт «счастье» в английской и французской языковых и культурных картинах мира (на примере фразеологии) // Личность в межкультурном пространстве: материалы VIII международной научно-практической конференции (г. Москва, 14-15 ноября 2013 г.). М.: Изд-во РУДН, 2013. С. 157-161.
4. Левяш И. Я. Культурология. М.: Айрис-Пресс, 2004. 576 с.
5. Назарян А. Г. Словарь устойчивых сравнений французского языка. М.: Изд-во РУДН, 2000. 336 с.
6. Супотницкий М. В., Супотницкая Н. С. Очерки истории чумы: в 2-х т. М.: Вузовская книга, 2012. Т. 1. 964 с.
7. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. Изд-е 2-е, дораб. М.: Изд-во МГУ, 2004. 352 с.
8. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. 372 с.
9. Французско-русский фразеологический словарь / под ред. Я. И. Рецкера. М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1963. 1112 с.
10. Cazelles N. Les comparaisons du français. Paris: Belin, 1996. 336 p.
11. Duneton C. La puce à l'oreille. Les expressions imagées avec leur histoire. Paris: Balland, 2004. 780 p.
12. Duneton C. Le Bouquet des Expressions Imagées. Paris: Seuil, 1990. 1380 p.
13. Rey A. Dictionnaire des expressions et locutions. Paris: Pober, 2002. 892 p.

LINGUISTIC PECULIARITIES OF REALIZATION OF THE BINARY OPPOSITION “HAPPINESS / UNHAPPINESS” IN THE FRENCH PHRASEOLOGY

Kurguzenkova Zhanna Vyacheslavovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow
zhanna-rudn2005@rambler.ru

Within the framework of this article the linguistic material of the French language characterizing some aspects of the realization of the binary opposition “happiness / unhappiness” through the lenses of phraseology is systematized. Conclusions are drawn about the most numerous phraseosemantic groups of this subject matter. Particular attention is paid to the connotative and structural peculiarities of phraseological units of the selected subject matter in order to reveal information about the peculiarities of culture and national attitude of representatives of the French ethnos to this binary opposition.

Key words and phrases: binary opposition; cultural worldview; phraseology; French language; concept “happiness”; concept “unhappiness”.

УДК 8:81-22

Статья посвящена проблеме показателей межфразовой связи. Объектом исследования служат синтаксические конструкции, включающие стандартизованную единицу «если говорить о..., то...». Анализируются текстообразующие потенции данной единицы, ее семантическое наполнение, условия и особенности функционирования в роли межфразовой скрепы союзного и несоюзного типов. Делается вывод о том, что единица «если говорить о..., то...» выполняет текстообразующую функцию, поскольку принимает участие в реализации базовых категорий текста.

Ключевые слова и фразы: текст; связность; стандартизованная единица; межфразовая скрепа союзного и несоюзного типов; семантика; текстообразующая функция.

Лапынина Надежда Николаевна, к. филол. н., доцент
Воронежский государственный технический университет
nn.larunina@mail.ru

ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ ЕДИНИЦЫ ЕСЛИ ГОВОРИТЬ О..., ТО...

Как известно, текст представляет собой такое целостное семантико-структурное образование, сущностной чертой которого является связность, выражаемая в его поверхностной структуре различными средствами. Функцию показателей связи межфразового типа могут принимать на себя и некоторые многокомпонентные соединения, внешне сохраняющие форму синтаксических конструкций, полипредикативные в структурном плане, но выполняющие, однако, при этом сугубо служебную роль. К ним относится, в частности, и стандартизованная единица «если говорить о..., то...».

Если проанализировать роль компонента *если говорить о..., то...* не на уровне предложения, а на уровне сложного синтаксического целого и текста, то окажется, что во многих случаях он выполняет функцию, достаточно близкую к союзной, – функцию межфразовой скрепы союзного типа [14, с. 79], которая способна выражать сопоставительно-противительные отношения, например: *Как ядерная угроза касается всех земель, так и борьба с этой угрозой должна стать уделом всех и каждого. Если говорить о нас, литераторах, то наша прямая обязанность сегодня – выступить поборниками и пропагандистами нового мышления, внедряя его в сознание самых широких читательских кругов* [8, с. 5]...

Сравните возможность вставки союза *а* или его подстановки вместо стандартизованного компонента *если говорить о..., то...* в данном фрагменте: *Как ядерная угроза касается всех земель, так и борьба с этой угрозой должна стать уделом всех и каждого. А если говорить о нас, литераторах, то наша прямая обязанность сегодня – выступить поборниками и пропагандистами нового мышления...*